

«Проблемы выделения древних историко-этнографических общностей в Приуралье и Среднем Поволжье». Р. Д. Голдина (Ижевск) в докладе «Древние этнокультурные связи и периодизация культур эпохи железа Волго-Камья» проследила эволюцию археологических культур, оставленных предками пермских народов с ананьинского времени до позднего средневековья, и их контакты с инородными культурами. Доклад С. В. Кузьминых (Москва) «Становление и развитие бронзовой металлургии и древнейшие этнические процессы в Северной Евразии» был посвящен итогам многолетних исследований ранней металлургии Евразии в их применении к уральскому этногенезу. «Верования древних народов Северной Евразии (по материалам могильника Костомукшское X)» — тема доклада А. П. Журавлева.

Ряд докладов, как было отмечено, не был прочитан, но представлен в виде тезисов. В. А. Иванов (Уфа) в сообщении «Существовала ли финно-угорская общность в Приуралье в эпоху раннего железа?» рассматривает ряд дискуссионных вопросов генезиса ананьинской культуры. А. К. Матвеев (Екатеринбург) в сообщении «Некоторые соображения относительно

уральской прародины», исходя из общепризнанных исторических, экологических, топонимических фактов, критикует гипотезу П. Хайду об уральской прародине на Северном Урале — между верхней Печорой и нижней Обью, считая, что первоначально уральские народы формировались в широкой полосе средней и (в основном) южной тайги между Средним Поволжьем и Алтае-Саянской горной страной. Ю. Янхунен (Хельсинки) в сообщении «Нганасаны и распад прасамодийской языковой общности» показывает, что особое положение нганасан среди других самодийцев по культуре может свидетельствовать о том, что их предки отделились от самодийской общности раньше других, а те языковые явления, которые традиционно расцениваются как свидетельства особой общности северносамодийских языков, в нганасанском объяснимы вторичными ареальными связями с ненецким и прежде всего с энецким языками. В то же время в нганасанском имеются инновации, противопоставляющие его всем другим самодийским, и напротив — некоторые общесамодийские инновации не охватывают нганасанский язык.

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.1.14>

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ЯЗЫКАМ НАРОДОВ СИБИРСКОГО СЕВЕРА

В последние несколько лет активизировалось внимание к различным аспектам национального вопроса в нашей стране. Среди других назревших дел крайне актуально исследование современного состояния народностей Сибирского Севера. Это необходимо, прежде всего, для обоснования общей концепции их социального и экономического развития в условиях научно-технического прогресса — ведь к настоящему времени для народностей Сибирского Севера стала насущной проблема «ревитализации», т. е. проблема национального оживления, возрождения (термин «ревитализация» вошел в практику этнографов и лингвистов в начале 80-х годов). Это легко объяснимо: крупные просчеты советской государственной национальной политики, коренные изменения в этнической ситуации, когда аборигенные народы

превратились в районах своего расселения в национальное меньшинство, недостаточная забота центральных и местных властей о сохранении их традиционной культуры и языка привели к тому, что самобытное развитие малочисленных народностей Севера оказалось под серьезной угрозой. Ученые-североведы в этих условиях могут предложить конкретные пути решения имеющихся проблем. В этом плане заметным явлением стал проведенный в Томском государственном педагогическом институте семинар.

В мае 1991 года впервые в Томске проводилось научно-практическое совещание такого масштаба: в нем приняли участие и зарубежные коллеги, ученые-лингвисты с мировым именем — В. Фезнкер (Гамбург, ФРГ) и Я. Пустаи (Будапешт-Печ, Венгрия), и ведущие лингвисты, эт-

нографы и археологи Томска и Новосибирска — было представлено 25 докладов 23 авторов. Знаменательно, что в семинаре участвовали и представители коренного населения Сибирского Севера — селькупы И. А. Тимонина (с докладом) и В. Д. Вялова, учителя из Парабельского района Томской области.

Три дня участники семинара вели заинтересованный разговор, обсуждая как теоретические проблемы уралоистики (например, вопрос уральской прародины, языковые контакты и типологические параллели языков Сибири с другими языками), так и практические вопросы, касающиеся возрождения селькупского и кетского языков, унифицированного описания сибирских языков и построения словарей, был дан анализ социолингвистической ситуации у селькупов и обских угров. Основная часть докладов была выполнена на материале уральских языков, в меньшей степени — енисейских.

Семинар открыл Я. Пустан докладом «Палеосибирские языки и вопрос уральской прародины». Чисто лингвистический подход автора к теме опирается на группировку уральских языков по их типологическим и структурным чертам. Кроме уральских, в анализ включены и другие языки северноевразийской языковой зоны, структурно-типологически и ареально-географически близкие к уральским. Я. Пустан скептически относится к прародине, представляющей собой более или менее замкнутую территорию. По его мнению, языковую зону северной Евразии в праязыковую эпоху можно представить скорее как цепь идиомов, из которых со временем по законам языкового союза возникли т. н. праязыки. В докладе выдвинута гипотеза о не менее двух центрах-прародинах для уральских языков: западном и восточном. Доклад Я. Пустан вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой предложен ряд дополнений и уточнений.

В докладе О. А. Осиповой (Томск) «Данные сибирских языков в решении некоторых вопросов индоевропеистики» постулирована первоначально особая роль консонантных основообразующих формантов имени в индоевропейских языках: а) их употребление для обозначения одушевленности/активности, б) в качестве первичного показателя активного падежа и

в) для передачи принадлежности и определенности. Установлению их полифункциональности в значительной степени способствовало типологическое сравнение с местом и значением показателя одушевленности и родительного падежа в кетском языке, с местом родительного падежа в селькупском языке и с употреблением лично-притяжательных суффиксов имени в ряде финно-угорских языков.

Ряд докладов был посвящен этно- и социолингвистическим вопросам. Так, Е. К. Скрибник (Новосибирск) в докладе «Социолингвистическая ситуация у обских угров» привела данные экспедиций последних лет о современной языковой ситуации у обских хантов. Констатируется общий невысокий уровень языковой компетенции, причем если в старших возрастных группах владение родным языком в бытовой сфере достаточно, то в младших обские ханты уже практически поголовно не знают родного языка.

Аналогичные вопросы поднимались в докладе А. А. Ким (Томск) «Социолингвистическая ситуация у томских селькупов», которая за период существования советского государства в жизни селькупов выделяет три этапа. Первый приходится на 20—50-е годы, т. е. время т. н. социалистического языкового строительства. Он характеризуется попытками создания письменности и введения преподавания селькупского языка в школе на базе тазовского диалекта, что не было воспринято селькупками Томской области. Второй этап — с конца 50-х годов до начала демократизации 1985 г. — характеризуется интенсивной утратой культуры, языка и национального самосознания у томских селькупов. Третий этап начался в 1985 г. и имеет тенденцию к национальному возрождению томских селькупов, которое должно осуществляться системно на базе исконной территории, позволяющей возобновлять природные ресурсы для обеспечения национальных промыслов.

Н. В. Лукина (Томск) в докладе «Изучение хантыйского языка в современных условиях» сообщила об основных направлениях исследования хантыйских диалектов за весь период научного познания языка. В прокомментированном докладчицей библиографическом списке преобладают иностранные издания, но, безусловно, отраден факт, что в современное оте-

чественное угроведение начался приток квалифицированных национальных кадров.

Ю. А. Морев (Томск) в докладе «Проблема ревитализации диалектов селькупского языка» проанализировал условия, в которых должно разворачиваться национальное возрождение селькупов южного диалектного ареала, их языка. В настоящее время уровень этнической консолидации невысок, они не имеют автономного национального образования типа существовавшего ранее Тымского национального района. По языковой компетенции селькупы северных районов Томской области условно делятся на три группы от (а) полностью владеющих системой родного языка как на рецептивном, так и на репродуктивном уровне (самые старшие, причем далеко не все), (б) владеющих системой родного языка только на рецептивном уровне (в основном, люди предвоенного поколения) и до (в) совсем не владеющих родным языком (большинство селькупов среднего возраста и практически вся молодежь). Проанализированы факторы, отрицательно влияющие на жизнеспособность селькупского языка, намечены пути его возрождения и развития. Прежде всего, необходимо скорейшее введение преподавания селькупского языка как родного для детей и взрослых, причем обязательно на диалектной базе селькупов данного ареала (в противовес мнению ленинградских коллег, считающих возможным введение здесь преподавания родного языка на базе тазовского диалекта). Основой для этого послужит достигнутый уровень научного описания строя основных диалектных подразделений. При сохранении и потенциальном расширении сфер использования южноселькупских диалектов может сформироваться общезыковая норма для томских селькупов. Существенное значение имеет создание в 1989 г. Общества селькупов Томской области «Колта Куп» («Обский человек») и с сентября 1990 г. — Лаборатории языков народов Сибирского Севера (научно-прикладного характера) при Томском педагогическом институте. Основные направления работы лаборатории — продолжение и углубление теоретического изучения селькупского языка в сферах звукового строя, грамматики, словаря всех диалектных подразделений; создание материальной базы обучения языку (разработка

практических алфавитов, принципов орфографии; создание азбуки, букваря, учебников и учебных пособий со звуковыми приложениями; учебных словарей разного уровня и объема; кратких очерков фонетики и грамматики и т. п.); подготовка педагогических кадров.

Иллюстрацией к общим положениям доклада Ю. А. Морев стали некоторые доклады сотрудников лаборатории. Так, Ш. Ц. Купер (Томск) в докладе «Проблема принятия решений в нормативном описании диалекта (на материале иванкинского говора шёшкупов)» утверждает, что все проблемы нормативного описания связаны с вариативностью, которую можно подразделить на закономерную и случайную. Причиной первой являются структурные сдвиги, тогда как вторая зависит, например, от влияния других диалектов. Нормативность, в свою очередь, можно подразделить на стихийную, проявляющуюся в частотности употребления, и литературную, т. е. искусственно внедряемую. При создании учебных пособий для бесписьменных южноселькупских диалектов, вероятно, необходимо разграничить закономерную и случайную вариативность, максимально использовать стихийную и минимально литературную. Наибольшая вариативность отмечается на фонетико-фонологическом уровне. Для решения указанных задач представляется продуктивным сочетание методов исторической фонетики, синхронной описательной фонетики, а также учет морфонологических закономерностей. Например, * \ddot{u} > $\ddot{u} \sim \ddot{o}$: $\ddot{u}g \sim \ddot{o}g$ 'шапка', * $i > i \sim e$: $\ddot{s}ed \sim \ddot{s}id$ 'два'. Генеративно-фонологический подход, дающий / $\ddot{s}id$ /, вступает в противоречие с фонетической реальностью. Постулирование свободного чередования фонем / $i/ \sim /e/$ во всех подобных случаях привело бы к чрезмерному количеству дублетных форм. Фонологизация / $e/$ во всех случаях, отражая направление развития, может вступать в противоречие с фонетической реальностью. Видимо, остается самый трудоемкий способ: фонологизация каждого отдельного слова с учетом частотности и постулирование чередования фонем, т. е. дублетных форм при одинаковой частотности.

Н. В. Деннинг (Томск) в докладе «Проблема ударения в иванкинском говоре селькупского языка» показала резуль-

таты выработки практических правил постановки ударения, что необходимо для создания учебных пособий и преподавания селькупского языка. Эти правила: 1. Место ударения подвижно и не закрепляется за определенным слогом. 2. Долгий гласный дву- и трехсложного слова несет на себе ударение, которое сохраняется и в парадигме. 3. При отсутствии долгого гласного в двусложных словах с основой на редуцированный в парадигме происходит смещение ударения на второй слог. 4. В двусложном слове с равными по длительности гласными полного образования наблюдается явление равноударности. Во фразе в этом случае наблюдается смещение одного из ударений, при этом чаще проявляется модель чередования ударных и безударных слогов через один. 5. Ударение во фразе выполняет ритмическую функцию. 6. Грамматические форманты подразделяются на три группы в зависимости от их ударности: а) суффиксы, всегда несущие ударение, б) суффиксы, не несущие ударения, в) суффиксы с подвижным ударением.

В. В. Быконя (Томск) в докладе «Система числительных в иванкинском говоре селькупского языка» отметила, что наряду с общеселькупской моделью образования числительных второго десятка ('1' + 'лишний' + '10', и т. д.) в говоре зафиксирована модель '1' + послелог *t'at* 'рядом, около' + '10': *okərtatket* '11', *šed'tatket* '12'. В образовании некоторых числительных принимает участие послелог *t'ar* 'по': *šed'tarət* *köt* '80', *okərt'arət* *köt* '90'. В группе собирательных числительных наблюдается вытеснение форм, содержащих в своей структуре показатель посессивности (*mi šedeβi* 'мы двое', *ti šedeli* 'вы двое') формой *šedegi*, в которой данный формант отсутствует (*mi, ti, tabla šedegi* 'мы, вы, они двое'). Словоформа *šedegi* претерпевает изменения — выпадает формант -g-: *mi, ti, tabla šedei* 'мы, вы, они двое'.

Несколько докладов было посвящено конкретным аспектам описания строя селькупского языка. Так, Э. Г. Беккер (Томск) в докладе «Штрихи к морфологии имени в диалектах селькупского языка» отметила, что в процессе становления селькупских диалектов на разных исторических срезах для выражения одних и тех же грамматических значений стали проявлять

себя различные грамматические формы, причем они функционируют в диалектах на разных языковых уровнях — центральном и периферийном. В становлении ряда функционально синонимичных грамматических форм существенную роль сыграли внутрилингвистические процессы. Например, для выражения инструментального и комитативного значений в диалектах сохранились инструментальные *n*-овые формы, соотносящиеся исторически с генитивом на -n, с одной стороны, и формы орудийно-совместного падежа более позднего происхождения на -nse, -se, с другой. В среднеобских говорах имеются две грамматические формы для выражения исходного действия из любой точки в пространстве и времени: форма на -*m̄in* / -*m̄it* с исходно-продольным значением и форма на -*q̄into* более позднего образования. Перечень таких примеров можно продолжить. Подобная грамматическая вариативность, характерная для бесписьменных языков (как и фонетико-фонологическая — см. о докладе Ш. П. Купера), создает для исследователя немалые трудности при написании нормативной грамматики. Э. Г. Беккер считает, что в одних случаях целесообразнее отдавать предпочтение тем грамматическим структурам, которые стали общеизвестными и общеупотребительными, а в других — тем, которые совершенно конкретно передают грамматические значения действия, хотя и относятся к зарождающимся.

Н. П. Гальцова (Томск) выступила с докладом «Морфологическая структура глагольных форм со значением будущности в диалектах селькупского языка», в котором показала, что формы будущего времени не являются едиными для всех диалектов. В тазовском и кетском диалектах будущее время маркирует суффикс -*ni(-i)* / -*n̄(-č)*, в тымском диалекте и в среднеобских говорах — *-l(V)* и *-l(V) ...s(V)* / *z(V)*. Последний способен также в определенных контекстах передавать значения конъюнктива. Во 2 л. ед. и мн. числа показатель футурума тымского диалекта может употребляться в роли императива. В этом проявляется семантическая близость форм будущего времени к косвенно-модальным наклонениям (оптатив, императив, адхортатив). Сопоставление суффиксов сложной структуры конъюнктива в камасинском и ненецком языках с пока-

зателем тымского футурума позволяет констатировать общность их морфологического построения. Относительно происхождения и функции финальной частицы в сложном суффиксе футурума тымского диалекта выдвигается предположение о довольно поздней его организации, причем возникновение его связывается с переосмыслением форм косвенных наклонений со стяжением аналитической конструкции: деепричастие на *-l* + претеритальная форма глагола бытия.

И. А. Ильяшенко (Томск) в докладе «К вопросу о происхождении некоторых обобщительно-определятельных местоимений в селькупском языке» показала специфику группы местоимений, объединяемых не по генетическим или формальным признакам, а по семантике ('весь, все; каждый; другой'). Местоимения, происходящие от уральских основ, сохранились только в тазовском диалекте (например, *mun, munt(i)(k)* 'весь, все') и исчезли в южноселькупских. Местоимение *izi, issi isto* 'каждый' также представлено только в тазовском диалекте (оно соотносится с хант. *isa* 'все'). Только одно местоимение уральского происхождения *ariik ~ arii, jaril* 'другой' выявлено во всех селькупских диалектах. Возможно, оно генетически связано с хант. *iärä* 'другой' < 'чужой'; не исключена и связь *ariik* 'другой' с указательным местоимением *aβ* 'тот, другой' через основу *a-*. В тазовском диалекте отмечено *menij ~ wənli* 'другой', происходящее, по мнению докладчицы, от уральской указательно-местоименной основы **my*. На территории Томской области многие исконно уральские формы отсутствуют, они вытеснены заимствованиями из русского языка типа *βes* 'весь', *kažna* 'каждый' — здесь контакт селькупов с русскими более тесен, чем в северноселькупском ареале.

В. Д. Фатнева (Томск) выступила с докладом «О названии '10' в уральских и индоевропейских языках». Она констатировала, что финно-угорские языки в самостоятельном и связанном употреблении имеют достаточно многочисленную лексико-морфемную группу в качестве названий для десяти. Если самостоятельные обозначения этого числа большей частью являются исконными (за исключением коми, удм. *das* или венг. *tíz*), то образования морфемного типа, входящие в состав

обозначений '8', '9' и круглых десятков различных финно-угорских языков, в большинстве случаев заимствованы. Судьба некоторых из них прослежена в докладе.

В. Феэнкер выступил с двумя докладами, освещающими разные аспекты его плодотворной работы в области формализации описания диалектов и языков малочисленных народов советского Севера. В докладе «Zur Konzeption eines phonologischen Atlas der Sibirischen Völkerschaften» В. Феэнкер высоко оценил полученные на сегодня результаты научного описания разносистемных языков и диалектов Севера, отметив при этом отсутствие единообразных дескриптивных принципов, что неизбежно вызывает сложности интерпретации имеющихся материалов. Автор уже неоднократно предлагал унификацию фонологического описания, в частности, в рамках известной международной программы «Dialectologia Uralica». Система кодировки фонемного инвентаря уральских языков вполне приложима, как показывает его работа, и к идиомам других языковых семей Севера. Полученные для каждой фонемы коды подлежат картографическому представлению с целью выявления макро- и микросистем (соответственно материалам достаточно нормированных языков или же варьирующихся диалектов). На этой основе достигается сравнимость фонологических систем обосновывается концепция фонологического атласа сибирских языков.

В докладе «Über das Wörterbuch der Sprachen der sibirischen Völkerschaften» В. Феэнкер представил разработанные им принципы построения сравнительного словаря языков сибирских народов по группам уральских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и палеосибирских языков. Система обозначения, классификации и цитирования источников (словарей) включает код, состоящий из трех цифр (=позиции АВС) с характеристиками диатопического и диахронического аспектов, а также 11 позиций, отражающих код понятия, код и название в метаязыках (немецком и русском), язык (диалект), источник и т. д. Доклад проиллюстрирован конкретными разработками по ряду языков. Применение концепции такого словаря на практике в лингвистических исследованиях и в прикладной сфере значительно упрощает работу лингвиста.

С. М. Малиновская (Томск) в докладе «Отражение этнических традиций в селькупской антропонимии» представила этимологический анализ личных имен томских селькупов из архивных документов начала XVII в., и пришла к выводу, совпадающему с мнением специалистов, работавших с именниками других сибирских народов: наибольшую именную нагрузку несут нарицательные термины, связанные с основными элементами селькупской экосистемы: человек и природа, человек и система его жизнеобеспечения, духовный мир и психофизическая деятельность человека, человек и социальная среда.

Исторический аспект тематики был представлен в ряде докладов: Л. А. Чиндиной (Томск) «Юго-восточные миграции Среднего Приобья I тысячелетия н. э.»; В. М. Кулемзина (Томск) «Хантыйская культура как средство адаптации к среде» и др.

И. А. Тимонина (д. Толмачево Парабельского района Томской области) в сообщении «Проблемы национального совета Парабельского района» рассказывала об Обществе селькупов и двух его съездах в 1989 и 1991 гг.

А. А. Ким (Томск) в сообщении «Лингвистические и этнографические данные экспедиции 1957 г. Р. А. Ураева к тымским чумьлькупам» говорила об экспедициях к аборигенам Сибири одного из учеников А. П. Дульзона Р. А. Ураева. Его экспедиционные материалы по тымским чумьлькупам объемом 250 с. содержат материалы по шаманизму тымских чумьлькупов (описание культовых мест, шаманского костюма, предметов культа), пять связанных текстов, селькупско-русский словарь на 3 тыс. слов, фотографии. Записи чумьлькупского диалекта выполнены в транскрипции, разработанной А. П. Дульзоном на основе русской графики для фиксации бесписьменных языков и диалектов Сибири.

Ряд докладов затрагивал енисейскую тематику: А. М. Малолетко (Томск), «О связях и происхождении кетского языка»; Р. Ф. Деннинг (Томск), «О морфологии и морфеме (на материале енисейских языков)»; Б. Б. Феер (Томск), «Резкие гласные в кетском языке»; М. В. Филимонов (Томск), «Енисейский дескриптивный фонд и изобразительность фонемы в енисейских языках»; Н. М. Гришина (Новосибирск), «О разработке учебников и

учебных пособий по сибирским языкам».

В результате принята резолюция семинара, в которой отмечено:

1. В условиях возрастания национального самосознания народов Сибири необходимо поддержать создание национальных обществ и содействовать деятельности уже созданных.

2. Необходимо запросить у соответствующих органов усиление финансирования научных исследований селькупского языка и прикладных разработок на их базе.

3. При создании учебных пособий на селькупском языке ориентироваться на существующие диалектные различия, не принимая за единую общеязыковую норму тазовский диалект; база для создания в дальнейшем общеселькупского языка должна быть выбрана самим народом.

4. Необходима разработка новой методики преподавания национальных языков, которая должна отличаться от методики преподавания как русского, так и иностранного языка западноевропейского типа.

5. При составлении учебников необходимо подбирать только оригинальные фольклорные и бытовые тексты, избегая переводных идеологических текстов, насыщенных иноязычными заимствованиями; предусмотреть звуковые приложения к учебникам.

6. Организовать центры по изучению и восстановлению языка и культуры селькупов и кетов при Томском педагогическом институте, а обских угров и южносибирских тюрков — при Новосибирском университете.

7. С целью оперативной координации работы в этом направлении регулярно (раз в год) проводить семинары и симпозиумы в различных центрах уралистики СССР, Венгрии, ФРГ и других стран.

Конкретным выражением научного содружества лингвистов разных стран стала после завершения семинара совместная экспедиция по сбору языкового материала для создания селькупско-русско-немецкого разговорника, который предполагается издать в Венгрии в 1992 г. В свою очередь, В. Феэнкер (ФРГ) планирует издать материалы семинара на английском и немецком языках на базе Гамбургского университета.

Ю. А. МОРЕВ (Томск)